

СОБРАТЕЛНО СЕМЬИНО.
ака № 1

ФРОНТОВИК НЕ ПРОМАХНЕТСЯ!

РОДНОГО КОМПСОРА ВЕУ РЕДКАХ
июля 1946 г. № 00447.

ЖАРКОЕ ЛЕТО ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО

Часть перечисленных пунктов, уйдя на деревни и
рода, проникла на предприятия промышленности, транспорт и
строительства. Кроме того, в деревне и городе пор еще гневды
значительные кадры уголовных преступников - скотоконокр
бывших и др. отбывавших нака

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

ФРОНТОВИК

Юрий Корчевский

**Фронтоник не промахнется!
Жаркое лето пятьдесят третьего**

«Феникс»

2016

Корчевский Ю. Г.

Фронтвик не промахнется! Жаркое лето пятьдесят третьего /
Ю. Г. Корчевский — «Феникс», 2016 — (Фронтвик)

ISBN 978-5-222-39481-6

Новый скорострельный боевик от автора бестселлеров «Фронтвик. Без пощады!» и «Фронтвик стреляет наповал». Вернувшись с Великой Отечественной, войсковой разведчик становится лучшим опером легендарного МУРа. На фронте он не раз брал «языков», но «на гражданке» предпочитает не задерживать бандитов и убийц, а стрелять на поражение. Только-только справились с послевоенным разгулом преступности, как умирает товарищ Сталин, объявлена амнистия, но не политическим, а уголовникам, из лагерей выпускают тысячи воров, грабителей, насильников. «Холодное лето 1953 года» будет жарким. А значит – Фронтвику снова идти в бой. Он стал снайпером еще на передовой. На его боевом счету уже более сотни нелюдей – гитлеровцев и урок. Его верный ТТ не знает промаха!

ISBN 978-5-222-39481-6

© Корчевский Ю. Г., 2016

© Феникс, 2016

Содержание

Глава 1. Возвращение в столицу	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Юрий Корчевский

Фронтвик не промахнется!

Жаркое лето пятьдесят третьего

Глава 1. Возвращение в столицу

Прошло два года, за которые произошло много событий. Во-первых, Андрей женился. Свадьба скромная была. Для молодой девушки свадьба едва ли не главное действие в жизни. Мария расстаралась, к торжеству платье новое пошила. Андрей обручальные кольца купил. Не самые дорогие и шикарные, но всё же золотые, по талонам из ЗАГСа. Со стороны жениха была пара – Феклистов с женой да тётка Маня.

А со стороны невесты – трое подружек из института да мама. После того, как расписались, радостное событие рождения новой советской семьи отмечали дома у Марии. Хоть и не хотелось Андрею примаком идти, а пришлось перебраться в дом Марии. В общежитии милицейском комната уж очень мала и «удобства» в коридоре, один на этаж с неизменной очередью. Но пообтёрся, привык. Служба неплохо шла, понемногу вал преступлений стихал.

Но жизнь не может не подбрасывать сюрпризы. После нескольких стычек с начальником милиции капитаном Щегловым, Феклистов перевёлся по службе в Москву. Да не на равную должность, а начальником отдела уголовного розыска крупного городского района. Знали Николая Ивановича в Главке, ценили. Устроил Феклистов для сослуживцев, которых уважал, отходную. Когда гостей, изрядно поддатых, провожал за калитку, Андрею сказал:

– Жаль, что расстаёмся. Сработался я с тобой. Но помни. Освоюсь на новом месте – к себе перетащу. Не даст тебе Щеглов толком работать, ему бы только показатели давать, чтобы перед начальством отчитаться. Не любит он службу и не понимает. Ты как?

– Да я не против.

Оно и в самом деле. Щеглов Андрея терпел, после перевода Феклистова поставил Андрея начальником угро. Не за деловую хватку, а просто некого было. На место Андрея нового опера приняли – младшего лейтенанта Савицкого, только что окончившего школу милиции. Молод, опыта нет, всему учить надо. И какой из него опер получится, пока сказать нельзя. А с Феклистовым они друг друга с полуслова понимали. Это как у лётчиков-истребителей слётанность пары.

И Марии приходилось в Москву на учёбу в институт каждый день на электричке мотаться. Было ещё одно обстоятельство, о чём месяца через три сообщил по телефону Феклистов.

– Не забыл ещё Петра Вениаминовича?

Как же, забудешь его. Отец бывшей возлюбленной Валентины, ставивший палки в колёса, из-за чего Андрей из прославленного МУРа ушёл.

– Как его забыть? А что с ним?

– На пенсию с почётом проводили.

– Да ну?

– Баранки гну. У меня в отделении место скоро освободится. Опера бандиты ранили, в больнице сейчас, поправляется уже. Но к службе не пригоден будет, если только в паспортный стол или в архив. Постараюсь начальству тебя сосватать.

В принципе, в Балашихе Андрей уже освоился, как-никак два с половиной года срок изрядный. И преступления громкие были, которые расследовать смогли, да и начальство из областного Главка отмечало премиями или, что чаще – грамотами.

В трубке только шорохи слышны. Андрей переваривал услышанное.

– Так я не понял, ты согласен? – спросил Николай.

– Согласен, согласен.

– Тогда бывай, жди приказ о переводе.

В трубке короткие гудки. Министерство одно, но Главки разные, по переводу потребуется согласование. Андрей представил, как вытянется лицо у начальника милиции Щеглова, когда увидит приказ о переводе Андрея. Сам виноват, что фактически выжил из отделения Феклистова. Шли дни, Андрей никому, даже Марии, о телефонном разговоре не сообщал. Дело может не выгореть, а у женщин языки длинные.

Видимо, не всё у Феклистова удачно получалось, время шло, а приказа не было. Андрей решил – правильно сделал, что Марии не сказал. А через месяц события пошли чередом. В милицию соседка тётки Мани позвонила с печальным известием.

Скончалась тётка в одночасье. Для Андрея удар под дых. Старенькая была, прихварывала, возраст всё же. Но чтобы вот так внезапно? Андрей Щеглову заявление написал – три дня без содержания, и на электричку. С Курского вокзала Николаю позвонил. Не оставил сослуживец и приятель в беде, дал опера с мотоциклом. Без его помощи совсем бы зашился. Москва большая, пока все справки соберёшь, с местом на кладбище определишься, железные набойки на туфлях сотрёшь. На похороны Феклистов пришёл, соседи по коммуналке. Выпили на поминках. Андрей досадовал на себя. Мало внимания тётке уделял. Поговорить бы с ней по-людски, не спеша. А всё служба, времени не было. Единственная родная кровь была. Не она, так и про корни свои не знал бы, думал, что из пролетариев.

Три дня, как в Балашиху вернулся, Феклистов звонит.

– Есть приказ на тебя. Так что через день будет он у Щеглова. Можешь дела в порядок приводить.

Дома Андрей Марии о приказе сказал. Жена обрадовалась.

– На первое время в комнате тётки жить будем. Ты ведь там прописан?

– Тесновато.

– Как освоишься на службе, заявление подашь на расширение жилой площади.

Щеглов, как приказ получил, метал громы и молнии.

– Исподтишка провернул? Дружок помог?

А против приказа не попрёшь. Андрей оружие сдал, передал текущие дела молодому оперу. Пусть теперь Щеглов сам замену ищет. Не он бы, так до сих пор Феклистов в районном угро работал.

Утром уже входил в райотдел милиции. Здание осмотрел с интересом, всё-таки новое место службы. Феклистов представил нового сотрудника сослуживцам. Отдел уголовного розыска побольше, чем в Балашихе. Одних оперов семь человек.

Так и район больше, и население по численности раз в восемь-десять, чем в Балашихе вместе с районом. О Фролове сотрудники понаслышке знали, всё же в одной структуре служили, приняли хорошо. День ушёл на оформление документов, получение оружия. А ещё по карте границы района изучал. Непростой район – рынок, вокзал, промышленные предприятия. Что рынок, что вокзал – точки притяжения криминала. Ворьё, жулики всех мастей. Хотя старожилы отдела заявили, что за семь лет после войны порядок навели. Часть преступников посадили, другие в разборках погибли, в перестрелках с милицией. Кроме того, количество оружия на руках у населения поубавилось. Стволы изымались – у задержанных на месте преступления, при обысках подозрительных лиц. Изъятое оружие уничтожалось, а подпитки не было, если только из старых схронов.

Андрея к одному опытному оперу прикрепили. Службу Андрей и сам знал, но район новый, своя специфика есть. В свободное время изучал фото лиц, находившихся в розыске. А ещё тех, кто вскорости освободиться должен. После отсидки селиться ближе ста километров от

Москвы им запрещалось. Да только матёрые уголовники плевать хотели на Указы. Когда милиция таких останавливала, отговаривались – проездом я, с вокзала на вокзал. Оно-то и в самом деле так могло быть. В Москве сходились пути-дороги со всех областей страны – шоссейные, железнодорожные, воздушные. Захочешь – миновать трудно. У милиционеров глаз намётан, в толпе бывших сидельцев вычисляли быстро – по наколкам, по взгляду, по бледно-землистой коже лица. А если недавно вышел, то и по запаху. Тюремный запах не скоро выветривался, как ни мойся. Уголовников в столицу привлекали два обстоятельства. Первое – город много-миллионный, в толпе затеряться проще. А второе – столица всегда богаче, зажиточней жила, чем провинция, есть чем поживиться. Кроме того, в Москве дома огромные, много подъездов и этажей, жильцы не все друг друга знают, домушникам на руку. Бандитизм на убыль пошёл, зато вал квартирных краж.

И новые преступления появились – фарцовка. В столице после войны много посольств открылось. Ушлые люди через посольскую службу вещи зарубежные покупали, продавали втридорога. И за руку поймать их сложно. Чтобы обвинить в спекуляции, надо знать цену товара, а как её узнать, если в СССР данная вещь официально не поступала?

Облегчало жизнь домушников ещё то обстоятельство, что дверные замки к дверям выпускали артели. Из-за примитивного оборудования замки простенькие были, железо скверного качества. Замки больше для честного человека, во вновь сданных домах половину квартир в подъезде можно было одним ключом открыть. Домушникам раздолье, иной раз на дело отмычки не брали, всё же улика, случись задержание. Открывали куском изогнутой проволоки, дамскими шпильками. Отмычка – для суда аргумент весомый, воровское приспособление, а шпильки в кармане любой иметь вправе. Вот на квартирные кражи Андрея со старожилом отдела Ватутиным и бросили.

Самое неблагоприятное дело, раскрываемость таких краж низкая. Домушника если на месте преступления не застал, то выйти на след можно только через спекулянтов краденого, да и то редко. У барыг швеи есть, краденые вещи перешивают, тут же сбытчикам на толкучке отдают. Вещь слегка ношена, зато цена вполосину меньше, чем в магазине. Вещи влёт уходили, для многих низкая цена – факт решающий. Ватутин на столе целую стопку тощих уголовных дел собрал, по три листка.

Заявление о краже потерпевшего, перечень украденного, заключение эксперта по осмотру замка. Все кражи, как под копирку, впрочем – как и заявления. Трудящиеся на работу уходили, а возвратившись, обнаруживали обворованную квартиру. Воры забирали всё, что имело хоть какую-то ценность. Деньги и ценности – это в первую очередь, затем носильные вещи – пальто, шубы, платья, обувь. Не брезговали фотоаппаратами и радиоприёмниками. Порой в обворованной квартире оставалась только пустая мебель. Граждане порой сигнализировали по телефону о подозрительных личностях с баулами. Да только с транспортом у милиции плохо было. Пока доберёшься, воров след простыл. А расхлёбывать уголовному розыску, им всё недовольство обворованных доставалось.

Ватутин в сердцах сказал Андрею:

– Это ещё что, зима сейчас. А летом граждане на дачи выезжали или к родне в Подмосковье. Неделями в городских квартирах не бывали. А вернутся – обокрали, и когда – неизвестно.

Задействовали всю агентуру – скупщиков и сбытчиков выявить да шайки воровские. То, что действовал не одиночка, а группы, было понятно изначально. Стоит посмотреть на список украденного, сразу ясно – одному не унести, даже будь у вора четыре руки.

А кражи квартирные если не каждый день, то через день, а то и несколько краж за день. Андрей сразу уяснил – не одна группа действовала. Сначала наводчик должен определиться, в какой квартире зажиточно живут, когда дома не бывают. На подготовку несколько дней уйти должно. А кражи – как на конвейере. Нескольких сбытчиков удалось задержать на толкучках, с крадеными вещами, уверяли – сами купили. Обыски в жилищах сбытчиков не дали

ничего. Все дела грозили стать «висяками». Городской Главк и районное начальство напирали – плохо работаете, раскрываемость низкая, совсем мышей ловить перестали. Начальство понять можно, пострадавшие жалобами забросали прокуратуру, районные власти, в первую очередь исполкомы.

Андрей на пару с Ватутиным обходили квартиры. Не должно быть так, чтобы никто воров не видел, тем более белым днём. Надо только разговорить людей, найти правильный подход. Один из дедушек вспомнил, что выходил из подъезда военный, молодой, в руке чемодан держал.

– Точно военный?

– Да что я, слепой совсем? – обиделся дед. – Форма как у вас, только околыш на фуражке чёрный.

Чёрный околыш – технические войска. И насчёт формы не всё в масть. Потому как приказом министра МВД № 895 от девятого сентября 1952 года форменная одежда и звания у сотрудников милиции поменялись. Галифе стали зелёного цвета, а кители синие, околыши фуражек красные при васильковом верхе. Часть милиционеров ещё в старой форме ходила, часть в новой. Дед мог ошибиться. Настойчивыми расспросами о цвете обмундирования кое-что выяснили. Всё-таки армеец. Хотя дед видел его со спины.

После войны демобилизованные ходили в армейском обмундировании, но без погон. А кроме того, бойцы военизированной охраны имели такую же форму, только околыши фуражек тёмно-красные. А дед погоны видеть со спины не мог. Но всё же какая-то зацепка. Больше из жильцов подъезда никто о военном не вспоминал, да и не проживали здесь военнослужащие. Люди так устроены, что обслуживающий персонал – сантехников, слесарей, электриков не замечают, вернее не обращают внимания. Так же и на людей в форме. Если и был кто-то, значит, по службе. Проверять всех военных, не зная примет, – пустой номер. На заметку оперативники данный факт взяли. Тем более только что по сводкам прошла ликвидация банды Павленко. Дезертировав в 1941 году, он сколотил преступное сообщество под видом военно-строительного управления, изготовил поддельные печати. Костяк банды занимался грабежами, мародёрством, расстрелами, причём все в военной форме. Нанятые на стороне настоящие строители на самом деле возводили объекты, причём хорошего качества. Павленко ворочал миллионами. На след его вышла госбезопасность, банду в конце 1952 года повязали. Но многие «птенцы» Павленко успели податься в бега, занимались привычным воровским делом.

Через неделю, на очередной краже, при обходе квартир одна женщина тоже упомянула о военном.

– Молодой, лет тридцати, вот только в званиях я не разбираюсь.

Андрей вцепился в свидетельницу, как клещ. Какого цвета брюки были, гимнастёрка, были ли награды, значки, нёс что-нибудь в руках, особые приметы. Маловато подробностей было – брюнет, карие глаза, и всё. Но, как и в первом случае, нёс чемодан. Причём в правой руке. Обычно военнослужащие правую руку имеют свободной – отдать честь офицеру встречному или патрулю. Мелочь, но кадровый военный так не сделал бы.

Пару недель о военных на местах краж никто не упоминал. А потом Андрей с ним столкнулся, неожиданно, лицом к лицу. Подходил к подъезду многоэтажки, дверь распахнулась, вышел военный. На плечах погоны старшины, на груди две медали, брюнет. И чемодан в руке. Андрей в штатском был и без напарника.

– Гражданин, милиция! – преградил дорогу военному Андрей.

Вытянул из кармана удостоверение, показал.

– Ваши документы!

– Вы не военный патруль, я не обязан.

– Обязан, я представитель власти. Что у вас в чемодане?

Военный чемодан поставил на землю. Полез в нагрудный карман за документами, достав – протянул. Только Андрей за них взялся, как мужчина ударил левой рукой в кадык оперативника и бросился бежать. Андрей закашлялся, удар был сильным. Из глаз слёзы, воздуха не хватает. А как отошёл немного, мужчины след простыл. Чёрт, неудачно получилось. Вора видел, а задержать не смог. На себя досадовал. Расслабился, давно в серьёзные переделки не попадал. А если бы вор ножом ударил, а не кулаком? Андрей поднял чемодан, уложил на лавку у подъезда. Шуба, меховая муфта, только входившая в моду, добротные мужские туфли, почти не ношенные. Наверняка в квартире деньги были, ювелирные изделия. Воры рыжьи и деньги по карманам прятали. В случае опасности, вот как сегодня, бросали баулы или чемоданы и делали ноги. Андрей на лавку уселся. Телефонировать в отдел смысла нет, вор наверняка район успел покинуть. Сейчас ляжет на дно на какой-нибудь «малине», затихарится. Знает, что спалился, опер его в лицо видел. А может, и из города уедет, больших городов в Союзе много. Чтобы квартиру обворованную осмотреть, надо заявление потерпевших. Тогда уже эксперт отпечатки пальцев снимет, замки осмотрит. Андрей вздохнул, поднял чемодан. Надо его в уголовный розыск отвезти. Увидел на асфальте оброненный военный билет, поднял. Лицо на фотографии точно вора, но если присмотреться, видны следы клея. Наверняка документ потерян был или украден. Вор таких за день по несколько штук заиметь может. Люди документы дома хранят. У самого Андрея так же, при себе только удостоверение сотрудника уголовного розыска. В отделении, когда объяснил появление у него чемодана с краденными вещами, выслушал от Феклистова поток ругательств.

– Андрей! Я тебя не узнаю! Вора, можно сказать, в руках держал и упустил. В Балашихе вооружённых бандитов, убийц задерживал. Как же ты домушника проворонил?

Отдали экспертам документы, увеличили фотографию, чтобы утром на разводе постовым и операм раздать. Они на земле работают, вполне могут столкнуться. Таких оплошностей Андрей давно не допускал. Вечером на квартиру пришёл, а Мария уже немудрящий ужин приготовила.

– Маш, водка есть? Я бы выпил.

– По какому поводу?

– Ляп допустил сегодня, вор-домушник сбежал от меня.

Мария слова не сказала, выставила из шкафчика бутылку, рюмку. Андрей расстроен был, накатил соточку, поужинал. Отпустило немного. Мария рядом подседа, по плечу погладила.

– Не переживай ты так. Сегодня упустил, завтра поймаешь.

– Правильно – удержишь.

– Не придирайся к словам. У меня последний семестр остался, скоро выпуск, три месяца осталось.

– Ты это к чему?

– Москвичек в городе оставят.

– Ты место себе уже присмотрела?

– В историко-архивном институте. Перед новым годом покупатели приходили, разговаривала я с начальником отдела.

– Хм, покупатели! Как в армии, в запасном полку. Давай спать ложиться, устал я что-то. А утром Андрея Мария разбудила, вся заплаканная.

– Что случилось? – испугался Андрей.

В таком состоянии молодую жену он ещё не видел.

– Сейчас по радио передали о тяжелой болезни товарища Сталина.

У Андрея сон как рукой сняло. С самого рождения, как себя помнить стал, со Сталиным на устах жили. Во время войны безграничная вера и слепая любовь к вождю померкли, как у многих фронтовиков. Если Сталин настолько прозорлив был, почему проморгал войну с немцами? Перед войной пакт с врагами подписал. Уже в преддверии войны внушали – врага

шапками закидаем, на его территории воевать будем. А на деле немцы до Москвы дошли, до Сталинграда. Без малого огромной кровью наши удержались от катастрофы. А когда красноармейцы прошли по Венгрии, Чехословакии, Германии, да и другим европейским странам, поневоле сравнивать стали уровень жизни в СССР и на Западе. Сравнение было не в пользу социалистического строя.

Сталина обнаружила охрана первого марта 1953 года лежащим на полу в своей комнате. Сотрудник охраны Лозгачёв сообщил начальству. Почти всё Политбюро собралось на даче. И только второго марта у постели Сталина собрались врачи, констатировали инсульт с поражением правой стороны тела.

Только 4 марта было объявлено о тяжёлой болезни вождя, стали передавать информацию о состоянии здоровья. Прожив в коме несколько дней, Сталин скончался 5 марта в двадцать один час пятьдесят минут. Объявление о смерти по радио дали в 6 часов утра 6 марта. Страна была в неопишемом горе. Прощались с телом вождя с 6 по 9 марта в Доме Союзов. Уже с 16 часов 6 марта проститься с вождём пошли потоки людей, организованно, с предприятий. Сталин лежал в гробу на высоком постаменте среди роз. На нём был повседневный мундир. Хрустальные люстры в Доме Союзов были затянуты чёрным шёлком. Знамя СССР было склонено над изголовьем Сталина. Перед гробом, на атласных подушечках, лежали награды вождя, маршальская звезда. В почётном карауле стояли члены ЦК – Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущёв, А. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян.

Все спецслужбы были задействованы. Внутри и снаружи Дома Союзов сотрудники МГБ и МВД. Милиции полно на улицах. К зданию Дома Союзов пытались пройти неорганизованные толпы. Андрей, как и все милиционеры райотдела милиции, был задействован в оцеплении. На Трубной площади произошла страшная давка, погибло несколько сот человек. Трупы увозили грузовиками, задействовав военных.

Когда гроб с телом вождя занесли в Мавзолей, был дан артиллерийский салют, на заводах по всей стране загудели прощальные гудки, объявили пять минут траурного молчания.

Люди искренне переживали, горевали. Андрей, как и все сотрудники, предположить не мог, что похороны вождя обернутся для страны и милиции сущим бедствием.

28 марта 1953 года объявили амнистию. Указ подписал Климент Ворошилов, так как стал председателем Президиума Верховного Совета СССР. По Указу амнистии подлежали те, кому суд определил меру наказания менее пяти лет, все осуждённые за экономические преступления, беременные женщины и матери детей до 10 лет, несовершеннолетние, мужчины старше 55 лет и женщины – 50 лет. Указ предусматривал сокращение срока наполовину всем заключённым, кроме политических и уголовников за предумышленные убийства. В считанные недели из тюрем и лагерей освободились один миллион двести тысяч заключённых. Большая часть из них – закоренелые преступники – воры, бандиты, насильники, грабители. Сроки уголовникам давали небольшие. По статье 153 за изнасилование – до 5 лет, за кражу ст. 162 от 3 месяцев до 5 лет, за грабёж ст. 165 до 3 лет, за разбой ст. 167 до 5 лет. А по ст. 58 за измену Родине 10 лет или расстрел. Уголовники вышли, политические остались в лагерях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.